

8. Турбин В. Н. Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – М., 1996. – С. 11.
9. Анастасьев Н. Владимир Набоков. Одинокый король. – М., 2002. – С. 314.
10. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 58.
11. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 85.
12. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. – М., 1983. – С. 324.
13. Кожин В.В. К проблеме литературных родов и жанров // Теория литературы. Основные проблемы в теоретическом освещении. Роды и жанры литературы. – М., 1964. – С. 106.

G. Mayorova

«THE GIFT» BY V. NABOKOV AS AN
ENCYCLOPAEDIA OF GENRES

Abstract. This article deals with the problem of integration of different -style genres in the novel by Vladimir Nabokov “The Gift”. A great number of genres abounding in the text allow to define the novel as an encyclopedia. The genres revealed in the text are divided into some groups according to the style, status, subjects, necessary in the limits of the work of art.

Key words: novel, genre, gift, Nabokov.

УДК 821. 161. 1 «1890/1920»

Москвичёв В.Н.

**ОБРАЗ И ИДЕИ ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
(Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ, С.М. СОЛОВЬЕВ И ДР.)***

Аннотация: Статья посвящена актуальной для современного литературоведения проблеме – влиянию личности Франциска Ассизского на мировоззрение и художественное сознание писателей Серебряного века. С целью выяснения масштабов явления были рассмотрены и проанализированы произведения Д.С. Мережковского, С.М. Соловьева, М. Горького и др.

Ключевые слова: Ассизий, Франциск, Мережковский, Серебряный век.

В ряду разнородных явлений словесного искусства Серебряного века, который был временем напряженных поисков не только в области творчества, но и в области духа, внимание современных исследователей привлекло художественное воплощение францисканских идей в произведениях рубежа XIX-XX веков [1]. В поисках оригинальных сюжетов и жанровых форм для выражения собственных концепций писатели порубежного времени заглядывали в глубину веков. Одни обращались к опыту античной эпохи, другие – к Средневековью, третьи – к эпохе Возрождения.

В духовных исканиях русских писателей и религиозных мыслителей существенную роль сыграл образ Франциска Ассизского, основателя знаменитого монашеского ордена францисканцев, проповедника идеи

крайнего самоотречения, альтруизма. Выражение «не от мира сего» в его первозданном смысле как нельзя более подходит Франциску. Этот человек по велению души, последовав заповедям Христа, «раздал имение свое» и оставил родительскую семью ради бескорыстного служения Богу и детям Его. Это деяние тем более ценно, что Франциск был сыном купца и жил в то время, когда церкви были предельно чужды бедность, смирение и идеалы Божьей всеобщей любви.

Интерес к этому святому в русской культурной среде был весьма силен. К примеру, для Л.Н. Толстого Франциск был моральным идеалом, к совершенству которого писатель стремился в последние годы жизни [2]. Это увлечение достигло пика именно на рубеже XIX-XX веков. По словам К. Исупова, «Ренессанс классической Италии и русское религиозное возрождение узнали друг друга в еще одном сюжете «избирательного сродства». Русская философия Сердца порой была готова осознать себя отечественным вариантом францисканства» [3].

Философская среда в этот период была чрезвычайно близка к литературной. Поэтому неудивительно, что идеи Франциска Ассизского вызвали в умах писателей Серебряного века сильнейший резонанс, и его отголоски мы можем проследить в их произведениях.

Д.С. Мережковский, на раннем этапе не принимавший «исторического христианства», посвятил Франциску Ассизскому,

* © Москвичёв В.Н.

«необычному христианину» (Л.А. Колобаева), одноименную поэму-легенду. Все в ней выдает апологетическое отношение автора к герою: и возвышенный тон повествования, и красочные сравнения, и обилие риторических восклицаний в тексте.

Мережковский изображает жизнь Франциска преисполненной божественной тайны. Его путь начинается с решительного шага, со слов и действий, которые он повторил и перед лицом смерти:

*Я хочу быть бедным, и таким
Как родился – слабым и нагим –
Кинуться Спасителю в объятия!* [4]

Эта фраза – жизненное кредо героя, знак, определяющий путь.

Автор, создавая образ Франциска, отступает от неоднократно приписанной ему привязанности к двойственности персонажей. Святой предстает перед читателем удивительно цельной светлой личностью, лишенной теневой стороны. Тьма не скрыта в нем самом – она окружает его, будучи не в силах подойти ближе и завладеть душой. Она воплощена в его отце Пьетро Бернардоне, не способном понять презрения сына к земному богатству («Где червонцы? Где мои товары? / Нищим роздал, нищим сто монет! / Так не сын же ты мне больше, нет! / Будь ты проклят!..» (4, 585)), в папе Иннокентии, для которого мерило всего – деньги и власть («Пусть, – он думал, – мысль невыполнима, / Жить нельзя без денег, но для Рима / Во Франциске будет верный раб!..» (4, 589)).

Но сильнее всего противостояние смиренного и радостного Франциска и окружающего мира проявляется в вопросах веры. Суровый отшельник Сильвестр жесток и непреклонен в своем осуждении собрата по вере и его мировоззрения. Он видит в земной радости и смехе лишь греховную приманку для бесов, порождение «проклятой плоти», которую надлежит смирять «цепями, и бичом железным, и постом» (4, 588).

Подобный путь неприемлем для Франциска, склонного воспринимать вселенную как воплощение красоты, добра и Божьей милости. Он не избегает лишений и страданий (о чем Мережковский упоминает в тексте), но не стремится преувеличивать их и понуждать к ним других людей. В нем «есть вера в Бога не «гнева», но Творца «бесконечной радости» бытия» [5]. И мы слышим голос уже не героя, но автора, вставшего на защиту идеалов:

*Только в сердце, злобой омраченном, -
Скорбь и ужас, только лица злых
Полны грустных дум в молчаньи строгом,
А в душе у добрых и простых –
Радость бесконечная пред Богом!*
(4, 589).

Идея «всеединства, дарованного нам свыше» (Вл. Соловьев) трансформируется Мережковским в сюжете поэмы. Франциска огорчает то, что христиане и мусульмане, верующие в единого Бога под разными именами, живут не в мире, но предпочитают отстаивать свою веру силой оружия. Он обращается и к тем, и к другим с вдохновенной проповедью о мире. В стане единоверцев не услышали ее – все заглушило празднование победы. Напротив, предводитель воинов Аллаха, «суровый Меледин» сумел понять и оценить веру и любовь к Богу смелого Франциска («... меж людьми больше всех ты истинного Бога сердцем чтить!» (4, 591)), но на просьбу о прекращении войны ответил отказом.

В отчаянии святой восклицает:

*Если люди слушать не хотят,
Пусть же птицы внемлют слову Божью!*
(4, 592).

И стая голубей становится его внимательной паствой. Для Франциска все создания равны перед лицом Божьим, что для Мережковского является важной чертой: одна из героинь его романа «Смерть богов (Юлиан Отступник)», Психея, высказывает сходную мысль о том, что в мире для Бога нет ничего, не заслуживающего спасения.

Но святой доказывает свою веру не только словом, но и делом. Он способен, по мнению автора, из любви ко всему живому пойти на величайший духовный подвиг – самопожертвование. Видя страдания своего брата по ордену, он вместе с ним нарушает суровый пост и произносит: «На себя беру твой грех» (4, 595). Милосердие – ценность, которую Франциск почитает более обетов и собственного спасения.

Франциск Ассизский – образ, значимый для автора и фактически возведенный в идеал. Е.В. Корочкина в статье, посвященной более позднему, чем рассмотренная нами поэма, произведению с тем же заглавием (цикл «Лица святых от Иисуса к нам») пишет: «По мысли писателя, Франциск Ассизский не просто аскет, католический святой, он «утренняя звезда», символ новой эпохи в истории человечества, так называемого “Царства

Духа» [6]. И это так. В его идеях писатель видит опору для своей концепции; проповедь о красоте сотворенного мира и радости жизни находит в его сознании живой отклик. Создавая поэму, Д.С. Мережковский желал донести эти мысли до стоящих на распутье соотечественников.

Интерес к святому распространяется даже на местность, с которой неразрывно связано его имя. И у М. Кузмина, и у С.М. Соловьева есть стихотворения, озаглавленные «Ассизи».

*Цветики милые братца Франциска,
Где же вам иначе расцветать?
Умбрия, мать задумчивых далей,
Ангелы лучшей страны не видали.*

...

*Сердцу приснилось преддверие рая –
Родина всем умиленным вторая! [7]
(М. Кузмин).*

Поэта вдохновляет чувство священного, возникающее на стыке эстетики и религии, – прекрасная природа одухотворяется совершенным на этой земле подвигом веры.

*А там Христос объятия простер
Франциску с окровавленного древа
И навсегда прожег его ступни.*

...

*Когда Франциск, Христов бедняк сми-
ренный,
Здесь проходил с толпой учеников
И зрел Христа, коленопреклоненный [8].
(С.М. Соловьев).*

Если у Кузмина основным пафосом является восхищение Умбрией – «преддверием рая», то Соловьев более увлечен произошедшими здесь христианскими чудесами. И просторы, где прошла жизнь Франциска, вызывают воспоминания о Святой Руси:

*...Я вспомнил мой любимый Богом край,
Мой Радонеж, Звенигород, Дивеев –
Родных скитов в лесах цветущий рай,
Моя родная, дальняя Россия,
Здесь за тебя мне помолиться дай [9].*

Места, где совершился духовный подвиг, по мнению поэта, обладают особой общей атмосферой, которая в смутное время рубежа веков способна исцелить заблудшие души и указать путь к Богу.

Не только модернисты, но и писатели реалистического направления проявляли интерес к личности святого. М. Горький писал редактору «Современника» Е.А. Ляцкому о

книге 1912 г. (издательство «Огни»): «Чудесная вещь “Книга о св. Франциске!”» Он же в статье «Издали» высказал следующую мысль (почти половину вычеркнула цензура): «...[случилось так, что на Руси, за редким исключением, Бога проповедуют именно циники, нигилисты и человеконенавистники – Победоносцевы, Филареты и подобные им. Создавая нищих духом Серафимов Саровских, Стефанов Пермских] наша жизнь не поднялась до создания Франциска Ассизского, и это одна из причин, возбуждающих очень сильное сомнение в том, что именно мы, Русь, призваны внести в мир какие-то особые начала «любви и всечеловеческого единения». Начала эти вносит в жизнь тот, кто не бежит от нее, а работает в ней» [10]. Однако были и несогласные с таким бесспорно положительным отношением.

Другой реалист, Б.К. Зайцев, также отдавал должное Франциску Ассизскому. Его перу принадлежит очерк «Ассизи»; в «Студенте Бенедиктове» есть упоминание о святом, а один из героев «Голубой Звезды» – Алексей Христофоров – исповедует францисканство. Но в очерке «Преподобный Сергей Радонежский» Б.К. Зайцев противопоставляет двух святых мужей. Он видит в Сергии человека, живущего в миру для мира, прочно стоящего в вере своей на земле, «учащего самым собою, «тихим деланием», а во Франциске – человека над миром, ничего не способного «учредить на земле» и полностью отдающегося священному «экстазу» [11]. Для автора более ценен деятельный пример русского Сергия Радонежского, который тот явил своим образом жизни, чем проповеди Блаженного из Ассизи.

На границе двух веков, в эпоху «распада личности», целостность натуры Франциска Ассизского служила примером для мыслящих людей. Он представлял собой эталон человека истинной веры, который писатели и философы не могли найти среди современников. Его простые и ясные мысли резко выделялись на фоне тяжеловесных догм. Возможно, именно это и послужило причиной стремления к личности и идеям этого святого для тех, кто создавал свои произведения в это тяжелое для русского народа и благодатное для русской литературы время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Примерами могут послужить доклады «Образ Франциска Ассизского и францисканские мотивы в русской литературе XIX и XX веков: проблема «памяти» и «припоминания» (автор – к.ф.н. И.Л. Попова) и «Резонантное пространство русского

- францисканства (Б. Пастернак и А. Добролюбов)» (автор – д.ф.н. Е.В. Иванова), прочитанные на второй научной конференции «Память литературного творчества» в ИМЛИ РАН (30 октября – 1 ноября 2007 г.), а также статья «Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры» К. Исупова (Вопросы литературы, 2006, № 6).
2. Булгаков В.Л. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л.Н. Толстого. – М., 1957. – С. 331, 333-334.
 3. Исупов К. Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // Вопросы литературы, 2006, №6. – С. 60-88. – С. 87.
 4. Мережковский Д.С. Франциск Ассизский // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 1990. – Т. 4. – С. 586. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы в скобках.
 5. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М., 2000. – С. 35.
 6. Корочкина Е.В. Франциск Ассизский в художественном сознании Д.С. Мережковского // Вестник УлГТУ. – 2005, № 4. – С. 4-5. – С. 5.
 7. Кузмин М. Ассизи // Кузмин М. Стихотворения / Вступ.ст., сост., подгот. текста и примечания Н.А. Богомолова. – СПб., 1999. – С. 451.
 8. Соловьев С.М. Ассизи // Соловьев С.М. Собрание стихотворений. – М., 2007. – С. 552.
 9. Там же. С. 523
 10. Публицистика М. Горького в контексте истории. – М., 2007. – С. 191.
 11. Зайцев Б.К. Преподобный Сергей Радонежский // Зайцев Б.К. Дальний край. Повести. Рассказы. – 2-е изд., стереотип. – М., 2003. – С. 302, 310-311.

V. Moskvichev

IMAGE AND IDEA FRANCIS OF ASSISI
ART CONSCIOUSNESS WRITERS SILVER
AGE (D. MEREZHKOVSKEY, S. SOLOVYEV
ETC.)

Abstract: Article is devoted to actual problem of modern literature science – influence of Francisco of Assisi's person on the views and artistic consciousness of the Silver century writers. Works and sayings of D. Merezhkovsky, S. Soloviev, M. Gorky and others were examined and analyzed to find out the scale of this phenomenon.

Key words: Assisi, St. Francis, Merezhkovsky, Silver Age.

УДК 82.0; 82.09

Савинич С.С.

У. ФОЛКНЕР И В. БЕЛОВ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ И ТВОРЦЫ МИФОВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СУТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУДЕБ В РОССИИ И США *

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы понимания основных стереотипов русского и американского национального самосознания, отраженных в национальных мифах и национальной литературе. В качестве объекта литературного анализа автор использует произведения Вассилия Белова «Привычное дело» и Уильяма Фолкнера «Авессалом! Авессалом!».

Ключевые слова: типология, миф, Фолкнер, Белов, Авессалом.

Прежде чем приступить к сравнительному анализу героев данных произведений, обоснуем необходимость этого сравнения. Часто случается, что в силу исторических причин, культуры двух совершенно разных стран начинают развиваться параллельно. В результате взаимодействия природных, социальных, климатических, и других ус-

ловий обитания, начинает складываться национальный менталитет, который и находит выражение в литературе. Именно литература создает наиболее полноценные художественные образы, позволяющие судить об особенностях национального характера.

Учитывая то, что культурно-исторический фон таких стран, как США и Россия, во многом похож, можно считать обоснованной идею о некоторой общности судеб этих двух наций. Действительно, для США и для России характерны многонациональность, необходимость колонизации новых, бескрайних природных пространств, безусловно влияющих на формирование национального характера. Существование таких форм классовой зависимости, как рабство в США и крепостное право в России и последующая борьба с ними. Все это во многом роднит эти страны, но есть и несколько существенных различий.

Прежде всего, это разные формы ре-

* © Савинич С.С.